

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

ФЕВРАЛЬ.

1903.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія В. В. Комарова, Невскій пр. № 136.

1903.

О трагизмѣ въ христіанствѣ.

Религіозные споры ведутся вѣками. Споръ о христіанствѣ въ наши дни не рѣшается ни кострами, ни пытками, ни войною; не въ этомъ ли слѣдуетъ искать лучшей плодъ самаго христіанства?.. Вотъ одинъ изъ вопросовъ. Слово признано единственно-законнымъ орудіемъ для выясненія религіи Бога-Слова; однако, идемъ ли мы по пути примиренія, разбившись въ нашемъ міропониманіи на столько религій, сколько отдѣльныхъ умовъ? Наконецъ, если буква мертва, если живъ лишь духъ, заложенный въ нее, — гдѣ его найти, этотъ *духъ* христіанства, и въ чемъ его истинное существо?

Вопросы эти прежде всего возникаютъ передъ всякимъ, кому думалось или вѣрилось „какъ-нибудь“ до тѣхъ поръ, пока цѣль сомнѣній и противорѣчій не заставила выйти на путь серьезныхъ исканій.

Въ послѣднее время въ нашей періодической печати было высказано нѣсколько перекрецивающихся мнѣній по вопросу о христіанской культурѣ; христіанство сравнивалось съ язычествомъ; въ лицѣ гг. Розанова и Меньшикова споръ достигъ своей кульминаціонной точки и оборвался, далеко не уяснивъ сердцевины вопроса. Не задаваясь цѣлью разсмотрѣть этотъ вопросъ во всей его сложности, я имѣю въ виду остановиться на одной его сторонѣ, именно той, которую я назвалъ бы вопросомъ о трагизмѣ въ христіанствѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, я хотѣлъ бы отмѣтить существенное въ возрѣніяхъ двухъ вышеназванныхъ авторовъ тамъ, гдѣ они касаются нашей темы.

„Не миръ пришелъ Я принести, но мечъ“, — сказалъ Тотъ, Кто заповѣдалъ вложить мечъ въ ножны. Предсказаніе и повелѣніе выразили полярныя точки той сферы, которая заключила въ себѣ историческое христіанство. Пророчество о войнѣ и заповѣдь о мирѣ всего міра, примыкающія къ нимъ ненависть съ одной стороны и любовь съ другой, — вотъ основные ферменты той всеобщей борьбы, въ которой мы всѣ участники, всѣ, даже тѣ блаженные, чей мечъ — любовь.

Такова общая схема трагедіи христіанства. Выражаясь образно, трагедія эта кончится, и декорации будутъ разобраны не раньше,

чѣмъ время сломить свое крыло, и самый фонъ трагедіи, самое пространство „скроется, свившись, какъ свитокъ“.

Въ рядѣ статей, собранныхъ вмѣстѣ подъ общимъ заглавіемъ „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“, г. Розановъ пытается дать то, что онъ называетъ „новой концепціей христіанства“.

„Есть религія Голгофы,—пишетъ онъ,—но можетъ быть и религія Виелеема; есть религія „пустыни“, „Петрова камня“, но есть и религія „животныхъ стадъ“, окружившихъ „ясли“, и многодумныхъ „волхвовъ съ Востока“, пришедшихъ въ Виелеемъ поклониться исполненію какихъ-то своихъ чаяній. Гробъ есть второе житіе человѣка, за коимъ начинается поздняя безконечность; но и колыбель есть его первое житіе, и ему также предшествуетъ ранняя безконечность“.

Вотъ мысли, съ которыми г. Розановъ подходитъ къ христіанству. Его религіозное настроеніе несомнѣнно: онъ стремится къ яслямъ Христовымъ, къ образу воплощеннаго Божества. Поэзія рождественской ночи прочувствована и пережита; какъ „магъ-астрологъ“, онъ снова и снова возвращается къ звѣздамъ, восхищается „звѣздочками“ внутри римскаго храма, которыя вмѣстѣ съ изображеніемъ фигуры зодіака нравятся ему больше „Miserege“, органовъ и... догматовъ.

Воплощенный Богъ!... Г. Розановъ останавливается на этомъ и дальше не идетъ. Страданія, смерть, воскресеніе, борьба съ міровымъ зломъ въ себѣ и внѣ себя,—вся трагическая и возрождающая сторона христіанства остается ему чуждой и непонятной.

Божество, какъ творческая сила, „Божье въ животномъ“, — къ этому сводится для г. Розанова все содержаніе религіи.

„Космосъ распадается на минеральную и жизненную, животную сторону: Бога, конечно, предлежитъ искать во второй“,—пишетъ онъ и на этомъ грубомъ возрѣніи строить свою религію торжествующаго пола. Фаллическій культъ сдѣлался тѣмъ „заданіемъ“, которое поработило нашего автора. Вмѣстѣ съ волхвами онъ принесъ къ яслямъ Христовымъ свои земные дары, свои двусмысленные амулеты, славящіе родотворную силу, которые въ послѣдствіи авторская добросовѣстность заставила его взять обратно и отнести къ другимъ алтарямъ... Теперь онъ уже негодуетъ на „инородное вліяніе семитическаго корня“,—и правъ: вѣдь самое воплощеніе утрачивало смыслъ, когда одинъ изъ критиковъ замѣтилъ, что Богъ былъ всегда въ нѣдрахъ „брачнаго завитка“.—„Вотъ прекрасная мысль, прямо сказанная!“—воскликаетъ г. Розановъ въ своемъ примѣчаніи.

Жребій былъ брошенъ. Мысль писателя, охваченная стремленіемъ воли, не могла сосредоточиться на Христѣ и, скользя мимо Виелеема, направилась въ сторону.

Никѣмъ изъ критиковъ г. Розанова не былъ заданъ вопросъ: гдѣ же тотъ *Центръ*, вокругъ котораго вращается эта будто бы *христіанская* концепція? Г. Розановъ оказался послѣдовательнѣе своихъ почитателей и оппонентовъ и, шагъ за шагомъ, перейдя черезъ „свободное христіанство“, отрѣшенное отъ догмъ, пришелъ къ догмамъ, отрѣшеннымъ отъ христіанства.

Какова-бы ни была наша оцѣнка міровоззрѣнія г. Розанова, несомнѣнной его заслугой слѣдуетъ признать какъ серьезность выдвинутыхъ имъ темъ, такъ и ту прямоту, съ которой онъ доводитъ до конца логическіе выводы изъ своихъ положеній. Съ нашей точки зрѣнія, особенно цѣннымъ является принципиальный отказъ г. Розанова отъ неблагодарной задачи отдѣлать подвижничество отъ христіанства.

Настоящая статья самымъ своимъ предметомъ обращена къ метафизическому фасаду розановскаго творчества, почему здѣсь и не мѣсто говорить о его литературной дѣятельности въ общественной области,—дѣятельности, которая упрочить за г. Розановымъ видное мѣсто въ исторіи русской мысли. Розановъ-публицистъ искушаетъ грѣхи Розанова-метафизика.

Коснемся ближе вопроса объ аскетизмѣ, который нельзя обойти, встрѣтившись съ системой г. Розанова.

Наше міропониманіе, вообще говоря, складывается изъ фактовъ и идей, цементированныхъ таинственнымъ и могущественнымъ волевымъ началомъ. Пользуясь математическимъ уподобленіемъ, можно сказать, что оно образуетъ рядъ членовъ, связанныхъ между собой положительными и отрицательными знаками. Абсолютная величина члена соотвѣтствуетъ расудочнымъ даннымъ; знакъ отрицанія или утвержденія ставится движеніемъ нашей воли, которая придаетъ жизнь и цвѣтъ всему нашему мышленію.

Христіанская формула въ ея этической части дана ясной и несомнѣнной; быть можетъ, это прогрессивный рядъ возрастающихъ членовъ, который разворачиваетъ человѣчество въ своемъ движеніи,— во всякомъ случаѣ, законъ образованія всѣхъ членовъ заложенъ въ него изначала и разъ навсегда. Эта формула, начертанная на знамени Христовомъ, не терпитъ произвольнаго искаженія, но совѣсть каждаго вводитъ въ нее тѣ облегченія, которыя требуются ограниченностью его силъ. Онъ можетъ уменьшать, суживать отдѣльные члены высшаго завѣта (неполное пониманіе), можетъ переставлять *для себя* знакъ (частичныя уклоненія воли); иногда такая замѣна будетъ грѣхомъ, иногда допустимой слабостью, но правомъ никогда и ни въ какомъ случаѣ.

Христіанство утверждаетъ аскетизмъ; какъ бы мы ни строили нашу *жизнь*,—*мышленіе* наше, чтобы быть христіанскимъ, должно принять этотъ положительный знакъ воли Христовой, если мы не

хотимъ оставаться на зыбкой почвѣ личныхъ и случайныхъ толкованій.

Перейдемъ къ воззрѣніямъ г. Меньшикова. Выступая въ своихъ статьяхъ апологетомъ христіанства, онъ имѣетъ въ виду сравнительную оцѣнку культуръ языческой и христіанской. Такая защита, основанная на взвѣшиваніи историческихъ фактовъ, хотя бы и чрезвычайнаго значенія, не можетъ быть признана цѣлесообразной. Не говоря о томъ, что съ XV вѣка могущественнымъ пособникомъ христіанства является духъ античной литературы, такъ, что отдѣлать гуманитарное вліяніе на европейскій міръ того и другаго начала весьма затруднительно; попробуемъ отвѣтить на одинъ вопросъ: понятна ли такая защита разуму азіатскаго востока, — разуму Индіи, Китая?... Отравляемые опиумомъ, терроризованные пушками, съ какимъ горькимъ упрекомъ отвѣтили бы намъ его жители!...

И все-таки г. Меньшиковъ правъ, — правъ, несомнѣнно, въ своемъ желаніи возвеличить христіанство; но не земнымъ счастьемъ, не благополучіемъ оправдывается это свѣтозарное величіе. „Потеря вѣры, — читаемъ мы заключительныя слова одной изъ полемическихъ статей г. Меньшикова ¹⁾, — есть величайшее изъ несчастій, какое можетъ постигнуть народъ. Уже одно колебаніе въ мысли, что христіанство ведетъ къ счастью, тотчасъ возвращаетъ насъ въ объятія безнадежнаго язычества, въ царство зла“. Подъ вышесказанными словами можно было бы подписаться обѣими руками, еслибы слово *счастье* замѣнить другимъ понятіемъ — понятіемъ *живой истины*. Счастье — терминъ шаткій, колеблющійся между двумя другими: *благополучіемъ* и *блаженствомъ*, которые едва-ли не исключаютъ другъ друга. Счастье — антиподъ несчастья; блаженство примыкаетъ къ несчастью, иногда отъ него начинается, имъ питается и поддерживается...

Быть можетъ, взглядъ на христіанство, раздѣляемый г. Меньшиковымъ и его единомышленниками, облегчитъ возрожденіе его въ нашемъ обыченномъ обществѣ, — не берусь судить. Съ своей стороны, думаю, что крестъ Христовъ не нуждается въ сусальной позолотѣ ²⁾.

¹⁾ «Новое Время», № 9565.

²⁾ Какъ яркій примѣръ этого стремленія позолотить Христовы страданія, приведу слова священника Г. Петрова («Евангеліе, какъ основа жизни», изданіе десятое, стр. 132).

«Тотъ, кто въ тяжелыя минуты душевной скорби удалился подтѣнь геесиманскихъ кедровъ и оливъ и здѣсь молился среди аромата благоухающихъ цвѣтовъ, облитыхъ сіяніемъ кроткой луны, не могъ запретить наслажденіе красотами природы. Не осуждаетъ Онъ и разумнаго, умѣстнаго наслажденія благами природы, если Самъ съ такой нѣжной добротой принялъ отъ женщины помазаніе драгоценнымъ

Прежде, чѣмъ перейти къ главной части нашей темы, коснусь одной промежуточной подробности. Образъ Бога, какъ Отца Небеснаго, о которомъ говоритъ г. Меньшиковъ, былъ данъ въ тѣхъ условіяхъ быта, когда отецъ семьи былъ фактическимъ главою, котораго не только любили, но и боялись. Отца Небеснаго въ наши дни, по вполне понятному закону психологической ассоціаціи, начинаютъ представлять иначе. Когда мы говоримъ теперь „Отецъ Небесный“, передъ нами возникаетъ чаще всего образъ безграничнаго добродушія, почти слабости. Таковъ, на примѣръ, Господь у Гете въ „Фаустѣ“; но развѣ такимъ Онъ начертанъ въ Откровеніи? Богъ, который не пощадилъ едиnorodнаго Сына Своего во имя любви,—отъ Него ли мы будемъ требовать счастья и покоя? Чистота нашего духа и воли—вотъ единственная жемчужина безусловной цѣны; безъ воли Бога не упадетъ волосъ съ нашей головы; но теряемъ ли мы волосъ или гибнетъ все счастье нашей жизни,—вопросъ имѣетъ одинаковое значеніе съ той точки зрѣнія, которая признаетъ „единое на потребу“.

Теперь сопоставимъ двѣ цитаты изъ статьи г. Меньшикова ¹⁾. Въ одной онъ говоритъ по поводу язычества:

„Если за гробомъ челоуѣка ждетъ вѣчное уничтоженіе, то самое блистательное счастье на землѣ отравлено скорбью, и древніе жили, какъ люди, надъ которыми произнесенъ смертный приговоръ. Возможенъ ли какой-нибудь оптимизмъ безъ вѣры въ безсмертіе?“

Въ другой цитатѣ по поводу христіанства:

„Безконечное бытіе за гробомъ я считаю тайной, совершенно для меня непроницаемой. Безсмертіе можно чувствовать внутренно, безъ доказательствъ, и развѣ ощущеніе его, достигнутое праведнымъ, не есть блаженство?“

Какъ хотите, въ этихъ словахъ спаяны двѣ противоположныя мысли: первая,—что счастье на землѣ немислимо безъ вѣры въ безсмертіе, и вторая,—что земная жизнь можетъ быть блаженна при

мвромъ»...—Во всѣхъ четырехъ Евангеліяхъ мы не находимъ ни слова о сіяніи кроткой луны и объ ароматѣ цвѣтовъ; молитва о чашѣ и капли крови—вотъ дѣйствительно о чемъ повѣствуется. Наслажденія красотами природы не могло быть у Того, Кто «ужасался и тосковалъ» и, «находясь въ бореніи, прилежниѣ молился и былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю». Такимъ пріемомъ геесиманская трагедія превращена въ идиллію. Отношеніе Христа къ мврму и освѣщеніе этого факта свящ. Г. Петровымъ не нуждается въ комментаріяхъ. Я бы сказалъ, что авторъ, охватывая *статикю* евангельскаго повѣствованія, чуждъ его *динамики*.

Прим. авт.

¹⁾ «Новое Время», № 9565.

совершенной непроницаемости загробнаго бытія; если здѣсь и нѣтъ прямой противоположности, то, во всякомъ случаѣ, достаточно сбивчивости и неясности. Въ самомъ дѣлѣ, признавая совершенно непроницаемой тайну загробнаго бытія, что-же хотѣлъ сказать авторъ? Разъ ничего неизвѣстно о данной вещи, то какія основанія предполагать, что она есть, эта вещь?

Но допустимъ, что вѣра въ загробную жизнь не требуетъ догматическаго обоснованія; допустимъ, что безсмертіе можетъ *чувствоваться* нѣкоторымъ внутреннимъ образомъ. Мы должны съ этимъ согласиться. Однако, что выигрываетъ съ этой стороны нашъ оптимизмъ, что даетъ намъ вѣра въ непроницаемое вѣчное бытіе?

Пусть я вѣрю въ томительный рядъ перевоплощеній: развѣ я не примкну къ буддизму и не возжажду нирваны, вѣчнаго уничтоженія, которое погасило-бы, наконецъ, царство безплодной и пестрой сансары? Или, если я повѣрю въ пиеагорейскую вѣчность, повторяющую однѣ и тѣ-же жизненныя формы, если я проникнусь сознаниемъ, что бытіе мое будетъ возвращаться въ его теперешней послѣдовательности, минута за минутой,—развѣ я не воскликну вмѣстѣ съ Ницше: „о, отвращеніе!“

Наконецъ, если присоединиться къ церковно-христіанскому воззрѣнію, если вспомнить евангельскія слова о гееннѣ, „гдѣ червь не умираетъ и огонь не угасаетъ“, развѣ мы не поймемъ Паскаля, не поймемъ нашего Гоголя? Пусть христіанствующій морализмъ не согласенъ на такую точку зрѣнія; съ ней во всякомъ случаѣ и прежде всего нужно считаться, разъ мы говоримъ не только о нашихъ личныхъ вѣрованіяхъ, а также и о той *совокупности воззрѣній*, которой питалось христіанское человѣчество.

Какъ ни обидно нашему человѣческому достоинству превратиться въ ничто,—надо согласиться, что точка, которую ставятъ атеисты въ концѣ земнаго пути, несомнѣнно оптимистичнѣе указанныхъ взглядовъ на безсмертіе, оптимистичнѣе даже того вопросительнаго знака, который начерталъ г. Меньшиковъ надъ непроницаемой тайной загробной жизни.

„Во внутреннемъ преображеніи праведника,—пишетъ далѣе г. Меньшиковъ,—обнаруживается столько счастья, что оно излучается, какъ нѣкое сіяніе, дѣлающее и другихъ счастливыми“.

Но развѣ не пройдя черезъ раскаленную нечъ искушеній, достигаетъ праведникъ тѣхъ рѣдкихъ блаженныхъ минутъ, которыя г. Меньшиковъ называетъ счастьемъ? Развѣ вся жизнь его не вѣчная борьба и усилія, разрѣшаемыя минутами отдыха, за которыми опять слѣдуютъ мучительныя труды? Пусть мы не встрѣчали праведниковъ,—мы знаемъ ихъ творенія, и достаточно бѣлаго знакомства съ святоотеческой литературой, чтобы снять съ нея обвиненіе

въ какомъ бы то ни было эвдемонизмѣ. Правда, мы не находимъ здѣсь безусловнаго пессимизма; это пессимизмъ, не идущій до конца, облачающій праведника въ бѣлыя одежды, дарующій временно отдыхъ и успокоеніе и высшія минуты созерцанія „молніеносныхъ сіяній Божества“... Но *трагическій трепетъ* проходить черезъ эти вдохновенныя страницы отъ первой до послѣдней. Эта не переставшая борьба съ міромъ наполняла жизнь христіанскихъ подвижниковъ. Одухотворенность достигалась громадными усиліями и до самой смерти должна была отстаивать себя отъ противоборствующаго плотскаго начала. Раскройте Оуму Кемпійскаго или, еще лучше, Исаака Сирина: вы найдете восторженныя слова, найдете радостныя слезы, но острое страданіе сквозитъ всюду, вездѣ побѣжденное искушеніе, надъ которымъ духъ поднимается съ величайшимъ трудомъ, и которое, непрерывно возрождаясь, готовитъ новыя ковы... Свѣтлая, солнечная радость Франциска Ассизскаго должна быть признана исключительнымъ даромъ этой счастливо-рожденной поэтической натуры; это было, если можно такъ выразиться, гениальное сердце, являющееся такимъ же, но болѣе рѣдкимъ даромъ, какъ и гениальный умъ. Но, говоря о святомъ Францискѣ, развѣ мы знаемъ что-нибудь о сумеречной работѣ его духа, развѣ мы можемъ утверждать, что за радостными подъемами чувства не слѣдовали и борьба, и упадокъ, и „сухость сердца“,—всѣ тѣ страданія, которыя переживали другіе подвижники?

До насъ дошли „Fioretti“¹⁾, цвѣты его жизни; но у благоухающихъ цвѣтовъ, которые сохранились въ книгѣ легендъ, были и стебли и корни.

Перейдемъ къ общественному христіанству, христіанству народовъ. Для обоснованія пессимизма и страданій язычества, г. Меньшиковъ набросалъ рядъ картинъ и соображеній, дѣйствительно внушительныхъ. Не будемъ слѣдовать этому примѣру: христіанская мартирология достаточно извѣстна, чтобы останавливаться на этомъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ, всматриваясь въ отшедшіе вѣка, съ ихъ пытками, процессами вѣдмъ, черной магіей, придется-таки задуматься надъ защитой христіанскаго оптимизма въ исторіи.—„Sancta simplicitas!“—воскликнетъ Гусъ на кострѣ, и этотъ образъ христіанина, сжигаемаго христіанами, будетъ лучшимъ примѣромъ, эти слова—„sancta simplicitas“—лучшимъ опредѣленіемъ и приговоромъ такой апологіи.

Лилась кровь Новаго Завѣта; кто собиралъ ее, чтобы взвѣсить? Кто сравнитъ ее съ ветхозавѣтной и языческой? Земля поглотила все

¹⁾ «Fioretti di san Francesco»—общее названіе сборника легендъ о святомъ.

и возрастила насъ, живущихъ, казалось-бы, не для того, чтобы утверждать земное счастье, хотя бы и чистѣйшее, дистиллированное счастье! И не для того, чтобы черезъ девятнадцать вѣковъ послѣ апостола ставить жертвенники „Невѣдомому Богу“; не для того, наконецъ, чтобы, „услышавши о воскресеніи мертвыхъ, одни смѣялись, а другіе говорили: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время“. (Дѣянія апост. гл. 17, ст. 32).

Полнота христіанства включаетъ въ себя откровеніе, возрожденіе и развитіе. Какъ всемірно-историческій фактъ, христіанство принесло новое *откровеніе*; въ мірѣ этики оно приложило самую острую бритву къ больной человѣческой совѣсти и пролило самый цѣлебный елей *возрожденія*; въ метафизической области оно, примыкая къ платонизму, явилось, какъ неизбежное *развитіе* мышленія древнихъ.

Христіанскія идеи въ Россіи разовьются, несомнѣнно, подъ преобладающимъ вліяніемъ Владиміра Соловьева. Религіозная мысль наша протечетъ черезъ всѣ восемь томовъ его сочиненій, какъ сквозь рядъ шлюзовъ, поднимаясь къ высшему міропониманію ¹⁾. Сколько духовной бодрости, сколько свѣтлыхъ идей вынесетъ изъ нихъ жаждущій, какъ бы надыхавшись смолистымъ воздухомъ хвойныхъ лѣсовъ!.. Но пусть вспоминаются ему иногда предсмертныя настроенія Соловьева, его послѣднія, дошедшія до насъ бесѣды. Характеръ острой душевной драмы запечатлѣваетъ эти рѣчи. Къ этой драмѣ, личной и соціальной, подходилъ Соловьевъ въ концѣ своей жизни и творчества. Онъ какъ-бы призналъ, что изъ схемы его всеобъемлющаго міропониманія ускользнули грядущія потрясенія, отдѣляющія земное человечество отъ царства Божія. Его мысль, работавшая съ такой богатырской силой и подвижническимъ терпѣніемъ надъ развитіемъ христіанской истины, только въ самомъ концѣ вполне совпадаетъ и сливается съ откровеніемъ.

Онъ уже отказывается вѣрить въ долгій ростъ человѣческой нравственности изъ теперешняго ея эмбриональнаго состоянія; онъ видитъ одряхлѣвшій міръ, и развязка историческаго процесса возникаетъ передъ нимъ во всемъ величій неотвратимой катастрофы...

Какъ понималъ Соловьевъ эту катастрофу? Въ „Повѣсти объ антихристѣ“ она обрисована сильными штрихами, быть можетъ, даже съ излишней ясностью; несмотря, однако, на нѣсколько гадательный характеръ самой картины, Соловьевъ стоитъ на твердой почвѣ. Онъ

¹⁾ Кстати сказать, съ покойнымъ Вл. С. Соловьевымъ у насъ не церемонятся: берутъ его мысли и не указываютъ источника, пользуясь необразованностью и равнодушіемъ нашего общества. А можетъ быть это совпаденія маленькихъ умовъ съ великимъ, или «отголоски»?

имѣеть за собой прежде всего евангельскія и апокалипсическія указанія, которыя толкуются нашимъ философомъ съ болѣею конкретностью, чѣмъ это было когда-то сдѣлано Сведенборгомъ въ его соотвѣтственныхъ комментаріяхъ. Сѣренъ Киркегоръ полушутя-полусерьезно писалъ: „Сдается мнѣ, что пробѣетъ часъ, и міръ рухнетъ при общемъ восторгѣ умниковъ, воображавшихъ, что это буффонада“. Рушится ли міръ или нѣтъ, для Соловьева представлялась неизбѣжной полоса разрыва и небывалой напряженности событій, которыя лежатъ на пути челоуѣчества. Почему? Да потому, что челоуѣчество движется не по восходящимъ ступенямъ общаго нравственнаго совершенствованія, а, повидимому, идетъ только къ болѣею сознательности въ выборѣ основнаго жизненнаго начала, къ болѣею чуткости и утонченности духа, причемъ, однако, стремленіе къ злему вообще не ослабляется, и побѣда надъ нимъ остается столь же трудной, какъ и всегда.

Вѣра въ окончательное торжество добра и заставляетъ признать исключительные съ нынѣшней точки зрѣнія катаклизмы, которые приблизили бы временное къ вѣчному.

Какое же значеніе отвести нашему нынѣшнему, какъ будто бесплодному дѣланію? Каково рѣшеніе этого вопроса?

Прійти ли намъ къ тому, что высшая мѣра нашихъ усилій, направленныхъ къ уничтоженію внѣшняго зла, сводится къ одному только,—къ освобоженію отъ зла маленькаго уголка въ нашемъ сердцѣ? Признать ли намъ, что вѣрное сердце и круговоротъ міра лежатъ другъ къ другу въ обратномъ отношеніи, чѣмъ это представляется?

Не сердце для міра, а міръ для сердца. И если ножомъ не рубить камня, то каменное точило, вращаясь возлѣ лезвія, придаетъ ему блескъ и остроту. Если усиліе челоуѣка, устремленное въ міръ, отражается отъ него, какъ отъ преграды,—оно несетъ свою возрождающую работу обратно, въ глубину духа.

Отражающая преграда и есть то отсутствіе очевидныхъ результатовъ добра, передъ которымъ такъ часто опускаются руки тѣхъ, кто хотѣлъ бы „осязать“ Христа, чтобы повѣрить въ Его Евангеліе.. И когда это не дается намъ, когда мы видимъ царящее зло, бесплодность попытокъ искоренить его, и слово ропота и невѣрія срывается съ нашихъ устъ,—тутъ мы явно встрѣтили ту отражающую преграду, которая есть и великій соблазнъ, и великое возрожденіе; тутъ мы попали на *тотъ камень, который, оставаясь неизмѣннымъ, одухотворяетъ насъ самихъ.*

Если вы даете голодному кусокъ хлѣба,—земное благо будетъ въ томъ, что вы утолите острое страданіе; но благо *истинное* не въ самомъ хлѣбѣ и не въ чувствѣ сытости, а только въ томъ волевомъ

актъ, котораго вы явились посетителемъ. Нравственное удовлетвореніе, являясь какъ бы условнымъ знакомъ блаженства, намекомъ на него, указываетъ вамъ правоту поступка. Благо для нищаго можетъ не сопровождать вашего; истинное благо для него наступитъ въ тотъ моментъ, когда онъ, голодный, отломитъ отъ вашего хлѣба половину и передастъ другому.

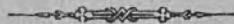
Эти моменты забвенія своего я, моменты иногда столь далекіе отъ всѣхъ нашихъ представленій о счастьѣ и наслажденіи, являются кардинальными точками, основами, на которыхъ покоится другой, неизвѣстный намъ порядокъ міра.

Острый *разладъ* между земнымъ и вѣчнымъ благомъ, стремленіе къ первому и отчужденіе отъ второго, идея долга, вознесенная на высоту Абсолюта („будьте совершенны“), и жгучая распря между нашими „хочу“ и „долженъ“—являются самымъ глубокимъ и неистребимымъ корнемъ христіанскаго трагизма.

„Дорожка расчищена,—читаемъ мы у К. Н. Леонтьева ¹⁾—но могилы занесены снѣгомъ. Вечеромъ на Распятіи горитъ лампадка въ красномъ фоварѣ и, откуда бы я ни возвращался въ поздній часъ, я вижу этотъ свѣтъ въ темнотѣ и знаю, что тамъ такое, около этого пунцоваго, сіяющаго пятна... Иногда оно кажется кроткимъ, но зато иногда нестерпимо-страшнымъ во мракѣ посреди снѣговъ!“

Кроткое и нестерпимо-страшное,—вотъ дѣйствительно глубокія, захватывающія слова! *Кроткое и страшное*,—такимъ, и *только такимъ* было и есть истинное христіанство, трепещущее *гнѣва Анны*,

В. Бородаевскій.

¹⁾ К. Леонтьевъ. «Отецъ Климентъ Зедергольмъ».